

УДК 347.962

Шутов Роман Олегович
Тверской государственный университет
Юридический факультет
Россия, Тверь
roman.shutov.2012@mail.ru
Roman Shutov
Tver State University
Law faculty
Russia, Tver

ПРАВО СУДЬИ НА ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЯ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос объема права судьи на выражение мнения. Исследуется законодательство и судебная практика в отношении ограничения права судьи на выражения мнения. Анализируются международные стандарты поведения судей, прежде всего прецедентная практика ЕСПЧ. Автор обращает внимание на проблему критики действующего законодательства со стороны судей.

Ключевые слова: право на выражение мнения, правовой статус судьи, судейская этика, независимость судей, правосудие, авторитет судебной власти.

JUDGE'S RIGHT TO FREEDOM OF EXPRESSION

Annotation: the author considers the question of the scope of judge's right to freedom of expression. Legislation and case law restricting judge's right to freedom of expression are researched. International standards of judge's behavior, primarily ECHR case law are analyzed. Author is paying attention to the problem of the criticism of current legislation by the judges.

Key words: right to freedom of expression, legal status of judges, judicial ethic, independence of judges, justice, authority of the judicial power.

Должность судьи предполагает наложение ряда ограничений и обязательств, ввиду особого назначения данной профессии. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ: «конституционный статус судьи является не личной привилегией, а средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием; общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия; конституционный статус судьи... дает основания для предъявления к судьям высоких требований и позволяет сохранять доверие к их компетентности, независимости и беспристрастности» [6].

В то же время, ограничения, накладываемые на судей должны быть обоснованными и соразмерными, в противном случае принцип независимости судей не будет реализован.

Исходя из вышесказанного, перед законодателем стоит трудная задача обеспечить соразмерное ограничение прав судей для обеспечения справедливого правосудия, при этом, не допустив превращение судьи в бесправного субъекта.

Одним из камней преткновения, связанных с достижением указанного баланса, является вопрос права судьи на свободное выражение мнения. В настоящее время судья может высказывать свое мнение вне судебного заседания различными способами: посредством выступления в СМИ, чтения лекций в университетах, написания научных статей и т.д. Безусловно, объем данного права у судей значительно ниже чем у простых граждан, ввиду того, что те или иные высказывания судей вне рамок конкретного дела могут привести к объективным сомнениям в его независимости и беспристрастности как у участников процесса, так и у общества в целом, а также к умалению авторитета судебной власти, падению доверия к судебной системе. При этом

полный запрет на выражение мнений может привести к потере судейской автономии, невозможности заниматься судье научной и преподавательской деятельностью.

Отдельного внимания в данной ситуации заслуживает вопрос реализации судьей права на выражение мнения путем комментирования тех или иных положений законодательства, критики реформ, производимых органами законодательной и исполнительной власти. Данный вопрос вызывает много споров как в России, так и в зарубежных странах. Как будет показано далее, спорные правовые реформы, проводимые несколькими странами восточной Европы, приводят к тому, что судьи Высших Судов, ввиду высокого уровня правосознания, не могут стоять в стороне при виде угрозы основополагающих принципов правосудия и публично указывают на существующие для правового государства угрозы. При этом, данные высказывания, как правило, являются причиной их отставки, поскольку, по мнению органов власти, любая критика положений действующего законодательства является поведением, не совместимым с должностью судьи.

Россия также знает примеры применения мер дисциплинарного взыскания в отношении судей за критику действующего законодательства. В свое время судьи Конституционного Суда В.Г. Ярославцев и А.Л. Кононов были подвергнуты дисциплинарному взысканию за то, что в интервью в СМИ критически высказывались о состоянии судебной системы в России, что вызвало широкий общественный резонанс [24].

Таким образом, вопрос о пределах права судей на выражение мнения является крайне актуальным на сегодняшний день, при этом данный вопрос остается малоизученным в научной литературе. В данной работе исследуются пределы права судьи на свободу выражения мнения, предусмотренные законодательством РФ, а также закрепленные в международных стандартах отправления правосудия. Автором анализируется практика Дисциплинарной Коллегии Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), российского правовой

доктрины, а также содержание Европейской хартии о статусе для судей, положения Бангалорских принципов поведения судей, сформулированных в Гааге 26 ноября 2002 года. Помимо этого, автором проанализирована практика Европейского Суда по правам человека, в которой рассматривается вопрос высказываний судей вне судебного заседания. Несмотря на то, что Россия вышла из - под юрисдикции данного международного суда, исследование его правовых позиций представляет интерес с точки зрения сравнительного правоведения и возможности внедрения отдельных его положений, которые отвечают целям и задачам российского правосудия в законодательство РФ.

Само по себе ограничение права судей на выражение мнения не является нарушением основополагающих принципов судебной власти, на что указывается и в нормах международного права. Так, в пункте 4.3 Европейской Хартии о статусе для судей указано, что судьям надлежит воздерживаться от поведения, поступков и высказываний, которые могут подорвать доверие по отношению к их беспристрастности и независимости [5]. В Кодексе судейской этики, принятом 19 декабря 2012 года на VIII Всероссийском съезде судей указано аналогичное положение. Статья 22 в части 1 указывает на наличие у судьи права свободно выражать свое мнение, однако в части 2 предусматривается ограничение, согласно которому Судья должен осуществлять свое право на свободу выражения мнения таким способом, который был бы совместим с ограничениями, накладываемыми на него его статусом. При этом он должен проявлять сдержанность во всех случаях, когда авторитет суда и беспристрастность правосудия могут быть поставлены под сомнение. Судье следует воздерживаться от публичных заявлений или замечаний, которые могут причинить ущерб интересам правосудия, его независимости и беспристрастности [3].

Еще более серьезные ограничения предусмотрены для судей Конституционного Суда. Так, судья Конституционного Суда Российской Федерации не вправе в печатных изданиях, средствах массовой информации,

самостоятельно распространяемых текстах, на сайтах (страницах сайтов) в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", в выступлениях перед любой аудиторией, в переписке с органами публичной власти, организациями и гражданами, которые исходя из обстоятельств ее ведения могут ее обнародовать, высказывать свое мнение о вопросе, который может стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации либо изучается или принят к рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации, до принятия решения по этому вопросу, а также критиковать в какой бы то ни было форме решения Конституционного Суда Российской Федерации [1].

Как уже говорилось ранее, данные ограничения направлены в первую очередь на реализацию двух целей – обеспечение независимости и беспристрастности судей и защита авторитета суда.

Авторитет судебной власти имеет огромное значение для реализаций целей и задач, стоящих перед судебной системой. Так, воспитательное воздействие судебной власти на участников процесса и на население в целом невозможно без уважения к суду, признания его авторитета, т. е. без высокого уровня легитимности самой судебной власти [16, с. 101]. Как справедливо отмечается в научной литературе, «самое важное в отношении к судье — общественное доверие, уверенность в том, что правосудие осуществляется в соответствии с правом» [17, с. 483]. Отдельные высказывания судей действительно могут повлиять на авторитет судебной власти. Исходя из анализа практики Дисциплинарной коллегии ВС РФ наиболее часто встречающимся примером умаления авторитета судебной власти вследствие высказываний судей является обвинение других судей либо иных лиц, относящихся к судебной системе в непрофессионализме, совершении ими преступлений и т.д. Статья 13 Кодекса судейской этики указывает, что в среде судейского сообщества судья может выражать несогласие с поведением коллег в целях устранения недостатков в сфере судопроизводства, предупреждения и

устранения нарушений конституционных и международно-правовых принципов публичности (гласности) судопроизводства [3]. При этом, как указывает Момотов В.В.: «из этого положения следует, что несогласие судьи с судебным актом, принятым его коллегами, может быть озвучено только в судейской среде, причем в сдержанной и корректной форме. Если, например, судья не согласен с отменой его решения вышестоящим судом, он не вправе вести себя недостойно, тем самым скандализируя правосудие» [18, с. 11].

Утверждение председателя совета судей РФ в целом подтверждается практикой ВС РФ, который рассматривает любые публичные нападки судей на своих коллег в качестве основания для применения мер юридической ответственности. Так, в деле, рассмотренном Апелляционной Коллегией ВС РФ, в отношении апеллянта была применена мера юридической ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за распространение не соответствующих действительности сведений о коррупции руководства судебной и исполнительной власти, прокуратуры и следственных органов Ставропольского края [7].

В недавнем деле, рассмотренном Дисциплинарной Коллегией в Решении от 6 сентября 2022 года, административный истец опубликовал в еженедельной газете "Черновик" № 42, тираж которой составляет 8137 экземпляров, и сетевом общественно-политическом издании "Черновик" обращение, в котором подверг резкой критике квалификационную коллегия судей Республики Дагестан, указывал на продвижении Председателем Верховного Суда Республики Дагестан судей на основании личной заинтересованности, указывал на его безграмотность, а также обвинил Коллегию судей субъекта и Председателя ВС Республики Дагестан в совершении ряда преступлений [8].

Дисциплинарная коллегия, оставляя в силе решение Квалификационной коллегии Республики Дагестан о применении меры дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи, отметила, что используя институт публичного выражения мнения, с грубым нарушением

положений Кодекса судейской этики, вопреки интересам и в ущерб авторитету судебной власти опубликовал в средствах массовой информации обращение, в котором распространил сведения, не соответствующие действительности, используя некорректные, недопустимые для судьи высказывания в адрес своих коллег и представителей органов судейского сообщества, несмотря на то, что не был лишен возможности выразить свое несогласие с поведением коллег в рамках судейского сообщества, как это предусмотрено Кодексом судейской этики.

Исходя из рассмотренных позиций ВС РФ, можно сделать вывод, что само по себе публичное выражение несогласия с поведением коллег вне рамок судейского сообщества, обвинения судей или должностных лиц иных органов власти в совершении противоправных действий является умалением авторитета судебной власти и является основанием для применения мер дисциплинарной ответственности в отношении судьи.

Стоит отметить, что подобная правоприменительная практика РФ соответствует общемировым подходам к регулированию правового статуса судей. ЕСПЧ неоднократно указывал на то, что на судей может накладываться запрет критики своих коллег для обеспечения авторитета судебной власти. Так, в деле «Кудешкина против Российской Федерации» ЕСПЧ указал, что установление национальным законодательством запрета судье публично критиковать действия своих коллег преследует законную цель [13].

Дополнительные вызовы поддержанию авторитета судебной власти бросают новые технологии. В настоящее время подавляющее большинство людей, так или иначе, используют социальные сети, и судьи, безусловно, не могут являться исключением. Возникает вопрос, каким образом судьи должны пользоваться социальными сетями, не умалив при этом авторитет судебной власти? Важность данного вопроса осознается и российскими органами судейского сообщества. Так, по итогам X Всероссийского съезда судей статья 14 Кодекса Судейской Этики была дополнена пунктом 4, который указывает,

что использование судьями информационно-коммуникационных технологий, включая социальные сети и иные способы телекоммуникации, должно подчиняться требованиям Кодекса судейской этики. В то же время, нельзя сказать, что закрепление данной нормы является достаточной мерой, поскольку из прежней редакции Кодекса не следовало, что использование социальных сетей судьями не подпадает под категорию «внесудебная деятельность» и, следовательно, на него не распространяется действие Кодекса судейской этики. Более того, данная норма не закрепляет никаких специальных предписаний, которые бы учитывали специфику использования информационных технологий.

Данная проблема является общемировой. Если обратиться к материалам Доклада специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, то можно выяснить, что в большинстве правопорядков отсутствует какое - либо регулирование деятельности судей в социальных сетях, либо регулирование, наподобие Кодекса судейской этики РФ, ограничивается указанием на то, что на использование судьями социальных сетей распространяются требования, предъявляемые к профессиональной этике. Лишь в немногих правопорядках данный вопрос регулируется актами органов судейского сообщества, еще меньше правопорядков закрепляют порядок использования социальных сетей судьями на законодательном уровне [21, с. 18].

Представляется, что существенную помощь в преодолении данного пробела может оказать Комиссия Совета судей РФ по этике, которая конкретизировала бы порядок использования судьями социальных сетей путем вынесения разъяснений. Примером, демонстрирующим перспективность предложенного решения проблемы, является практика Республики Корея. Из материалов, предоставленных специальному докладчику ООН, следует, что Комиссия по этике при Верховном Суде Республики вынесла целый ряд рекомендаций по вопросам использования судьями социальных сетей, в

частности, рекомендацию по использованию судьей социальных сетей и рекомендацию по выражению мнения в Интернете анонимно [25].

Из содержания данных актов можно выделить следующие положения. Во-первых, судьи Республики Корея должны быть предельно внимательны при загрузке материалов в социальных сетях, при управлении материалами, написанными третьими лицами на принадлежащим им страницам в социальных сетях, а также при обнародовании собственных постов в социальных сетях. Во-вторых, согласно рассматриваемым рекомендациям судьи при общении в социальных сетях должны сохранять достоинство, быть осторожными для того, чтобы не проявлять какие либо предубеждения, дискриминацию или вызывать иное недопонимание. Отдельно хотелось бы отметить положения, касательно пользования судьями социальными сетями анонимно. В рекомендации отмечается, что из-за анонимности судьи могут быть более раскрепощенными при выражении мнения, и, как следствие, менее серьезно относиться к требованиям судейской этики. В результате чего, комиссия указывает, что все судьи должны иметь в виду, что даже если их посты в социальных сетях написаны анонимно, существует возможность того, информация об авторе поста каким-то образом будет раскрыта.

Последнее разъяснение представляется чрезвычайно важным. Вследствие анонимности, у судей может возникнуть ложное ощущение того, что они могут с ее помощью они могут выражать мнение любым способом, не опасаясь последствий нарушения требований Кодекса Судейской этики РФ. Тем не мене, на данный момент существует огромное множество способов деанонимизации пользователей. Поэтому, в случае, если судьи будут слишком сильно доверять анонимности в Интернете, значительно увеличивается риск того, что та или иная информация, созданная судьей и выставляющая его в не самом приятном свете, станет предметом общественности, что может крайне негативно сказаться на авторитете судебной власти в целом. Вследствие чего, представляется необходимым заимствование Кореянского опыта и закрепления,

как минимум на уровне заключений Комиссии Совета судей РФ по этике указанных выше положений, в особенности разъяснения, согласно которому судья должен осознавать, что он несет риск деанонимизации в сети Интернет.

Публичное выражение мнения судьей может не только подорвать авторитет судебной власти, но и привести к нарушению принципа независимости судей. Принцип независимости судей предполагает беспристрастное вынесение решения судьей, руководствуясь исключительно положениями закона. Для его реализации необходимо не только установление различных гарантий и ограничений в отношении судьи (например, запрет на внепроцессуальное обращение, обязанности заявить самоотвод при наличии личной заинтересованности), но и осуществление правосудия таким образом, что у лиц, участвующих в деле, общества в целом, будут отсутствовать объективные основания для сомнения в независимости и беспристрастности суда.

В прецедентной практике ЕСПЧ выделяется так называемый объективный критерий независимости и беспристрастности суда, согласно которому нужно не только вершить правосудие, но и иметь видимые признаки надлежащего отправления правосудия [19, с. 608]. Международные суды применяют объективный тест, что бы определить присутствовал ли в деле недостаток независимости [23, р. 84]. Согласно данному критерию нарушение принципа независимости судей имеет место в ситуации, когда те или иные обстоятельства дают объективные основания полагать о наличии пристрастности судьи. Применительно к публичным выступлениям судей такие основания могут наступать в ситуации, когда судья комментирует дело, находящееся у него на рассмотрении, действия или бездействия участников процесса.

Так, в деле «Бускеми против Италии» объективный критерий был нарушен из-за того, что судья ответил на публичные обвинения заявителя в его адрес касательно дела об установлении опеки над дочерью заявителя, отметив

при этом, что условия проживания ребенка в семье заявителя были очень сложными, которые вели к эпизодам насилия в отношении ребенка. ЕСПЧ указал, что данный ответ судьи на обвинения заявителя указывает на то, что у него сформировалось неблагоприятное мнение о заявителе еще до вынесения судебного решения [15].

В деле «Олуич против Хорватии», заявитель являлся председателем Верховного Суда Хорватии, и в отношении него шло разбирательство по делу о применении к нему мер дисциплинарной ответственности. В процессе данного разбирательства несколько членов Национального судебного совета в интервью высказали свое мнение о ходе дисциплинарного производства, оценили профессиональные качества заявителя. Проанализировав содержание интервью, ЕСПЧ пришел к выводу, что высказанная позиция члена совета полностью продемонстрировала его предвзятость в отношении заявителя, и что его дальнейшее участие в разбирательстве после интервью являлось нарушением права на справедливое судебное разбирательство [14].

Стоит отметить, что данные положения не являются особенностью прецедентной практики ЕСПЧ. По данным Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, на наличие ограничений на комментирование дел в СМИ указано в представлении таких стран, как Венгрия, Гватемала, Литва, Республика Корея, Румыния, Сербия, Словения, Хорватия и др. [21, с. 13].

Россия в данном случае не является исключением. Объективный критерий независимости хоть прямо и не закреплен в законодательстве, но косвенные доказательства его признания российским правом можно увидеть, например, в положениях статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса РФ, согласно которой судья подлежит отводу, если он делал публичные заявления или давал оценку по существу рассматриваемого дела [2]. Следовательно, российское законодательство предусматривает нарушение принципа независимости судей в ситуации, когда судья публично высказывает свое

мнение касательно дела, находящегося у него на рассмотрении, на основании факта наличия у участников процесса объективных сомнений в независимости и беспристрастности судьи.

Исходя из вышесказанного, становится очевидно, что право судьи на выражение мнения существенно ограничено по сравнению с обычными гражданами с целью реализации целей и задач правосудия. В то же время, данные ограничения не следует понимать как полный запрет для судей на высказывание своей позиции по вопросам правосудия, состояния правовой системы, законодательных реформ. Статья 15 Кодекса судейской этики устанавливает право судьи свободно выражать свое мнение и принимать участие в публичных дискуссиях, в том числе по вопросам эффективности судебной деятельности, разъяснять правовые мотивы принятых им или его коллегами судебных решений. В то же время она никак не указывает на пределы осуществления данного права судьями. Отдельного внимания заслуживает вопрос критики действующих законодательных положений либо проводимых реформ судьями. С одной стороны, рассмотренные выше положения позволяют судьям высказывать свое мнение по поводу тех или иных норм права. С другой стороны не совсем ясно, в каких случаях критика положения дел в законодательстве и судебной системе будет являться допустимым выражением мнения, а в каких случаях действием, не совместимым с должностью судьи. Может ли судья в принципе публично говорить о существующих, по его мнению, институциональных проблемах в судебной системе либо же это будет являться нарушением принципа лояльности к судебной системе?

Согласно положениям пункта 1.5 Бангалорских принципов поведения судей судья должен отстаивать и поддерживать гарантии исполнения судьями своих обязанностей с целью сохранения и повышения и повышения институциональной и оперативной независимости судей [4]. Согласно разъяснениям данной нормы, сформулированным Управлением ООН по

наркотикам и преступности судье следует в интересах самого общества использовать соответствующие возможности, для того чтобы помочь обществу понять первостепенную значимость независимости судебной системы институциональной и оперативной независимости судей [22]. Таким образом, Бангалорские принципы закрепляют, что судьи не только вправе, но иногда и обязаны совершать активные действия для обеспечения реализации принципа независимости судебной власти. В то же время, ввиду особенностей правового статуса судьи, единственным способом совершения активных действий может являться публичное выражение мнения по тому или иному правовому вопросу, которое бы не умаляло авторитет судебной власти и не вызывало объективных сомнений в беспристрастности судьи.

В связи с этим возникает вопрос – где находится та тонкая грань между выражением судьей мнения по поводу действующего законодательства и нарушением требований сдержанности, ущербом авторитету судебной власти?

Как будет показано далее, в России и других странах в случаях, когда судья публично выражает критику тех или иных положений законодательства либо проходящих законодательных реформ, правительства, как правило, апеллируют к нарушению требований о лояльности к судебной власти либо к нарушению запрета на осуществление политической деятельности. Так, после участия судей КС РФ В.Г. Ярославцева и А.Л. Кононова в интервью, где они критиковали состояние судебной системы РФ, представители органов государственной власти РФ, а также другие судьи Конституционного Суда РФ указывали на нарушение правил судейской этики в виде нарушения принципа лояльности перед судебной властью, а также умаления авторитета судебной власти [24].

ЕСПЧ в своей прецедентной практике признает допустимой критику законодательства со стороны судей при условии, что высказывания судей не содержали нападок на коллег либо конкретных должностных лиц, оценки

поведения других судей, а сама критика осуществлялась сугубо с профессиональной точки зрения.

Так, в деле «Чим и Пживечерский против Польши», заявитель указывал на нарушение принципа независимости судей, ссылаясь на то, что судья, рассматривавший в отношении его уголовное дело, дал интервью в газете, в котором отметил: «к сожалению, мы преуспели в создании веры среди преступников, что они могут избежать наказания». По мнению заявителя, данное высказывание свидетельствует об изначальном желании судьи вынести обвинительный приговор. ЕСПЧ, признавая отсутствие нарушения прав заявителя, отметил, что критика судьи касалась правовой системы в целом и что судья прямо или косвенно не упоминал заявителя в интервью, следовательно, отсутствовали объективные сомнения в его беспристрастности [12].

В деле «Вилле против Лихтенштейна» заявитель, будучи судьей, указал в публичной лекции на то, что Конституционный суд княжества вправе проверять конституционность актов князя, вследствие чего князь отправил судье письмо, в котором указал, что не намерен более переназначать его на должность председателя административного суда. ЕСПЧ указал, что действия заявителя являются не нападками на князя Лихтенштейна, а профессиональной критикой законодательства [10].

Ключевым для прецедентной практики ЕСПЧ касательно права судьи на выражение мнения является постановление Большой Палаты от 23 июня 2016 года по делу «Бака против Венгрии» [9]. Заявитель являлся председателем Верховного Суда Венгрии и Национального Совета Юстиции. В 2012 году парламент Венгрии начал проводить судебную реформу, согласно которой Верховный Суд и Национальный Совет Юстиции реорганизовывались в Курию – новую высшую судебную инстанцию, а пенсионный возраст судей подлежал снижению. Заявитель в своих публичных выступлениях подверг критике судебную реформу, указав, что снижение пенсионного возраста судей нарушает

принципы независимости и несменяемости судей. Впоследствии в законопроект о судебной реформе были внесены изменения, согласно которым после реорганизации Верховного Суда должны пройти выборы нового Председателя Курии, при этом в стаж работы для нового председателя не включался опыт работы в международных судах. Поскольку заявитель 25 лет был судьей ЕСПЧ, данное изменения в требованиях для кандидатов на должность председателя Курии сделало невозможным его переизбрание, поэтому после выборов председателя заявитель прекратил свои полномочия.

Данное дело дошло до Большой палаты ЕСПЧ, которая признала нарушение права заявителя на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Не вдаваясь в подробности касательно установления причинно-следственной связи между высказыванием судьи и его увольнением (формально снятие судьи с должности не было связано с его высказываниями, однако ЕСПЧ установил связь, исследовав доказательства *prima facie*, согласно которым учитывается последовательность событий в рассматриваемом деле), отметим основные правовые позиции суда в отношении права судьи на выражение мнения.

Во-первых, ЕСПЧ напомнил о правовых позициях, сформулированных в прецедентной практике, согласно которым у судей есть право критиковать проводимые в стране судебные реформы при условии, что судья не осуществляет какие либо нападки в адрес судей либо иных должностных лиц и при этом критика носит сугубо профессиональный характер.

Во-вторых, суд отметил, что критика судьей реформ в отношении судебной системы имеет высокую общественную значимость и, следовательно, обладает повышенной защитой от ограничений со стороны государства.

В-третьих, суд указал, что праву судей на выражение мнения корреспондирует обязанность публично выступать в защиту верховенства права и независимости судебной власти, когда эти фундаментальные ценности находятся под угрозой.

Наконец, суд указал, что подобные меры в отношении заявителя имеют сдерживающее влияние на осуществление другими судьями свободы выражения мнения и приводят к воздержанию со стороны судей от критики спорных реформ, проводимых органами законодательной власти.

На основании вышеизложенного, Большая Палата пришла к выводу, что заявитель обладал правом публично критиковать проводимую судебную реформу и при его осуществлении он проявил сдержанность и осмотрительность, что не давало возможности применять к нему меры ответственности.

Данные правовые позиции впоследствии были применены в деле против Польши, когда сразу несколько судей были лишены своего статуса за критику крайне спорной судебной реформы, которая началась в 2017 году.

Согласно проводимой судебной реформе члены высшего польского органа судейского сообщества — Национального совета судебной власти — теперь избираются парламентом, причем по политическим мотивам, а министр юстиции получает полномочия по решению вопросов о назначении судей, прекращению их статуса, дисциплинарной ответственности, а также продлении срока службы судей, достигших пенсионного возраста [20, с. 101-102]. Данная реформа подверглась резкой критике со стороны Венецианской комиссии за демократию через право, Европейского Союза и Совета Европы. Вальдемар Журек — польский судья и пресс-секретарь Национального совета судебной власти, в различных интервью в СМИ, сети интернет, а также на публичных дебатах неоднократно подвергал критике законодательные изменения, отмечал в частности, что данные реформы приведут к потере судейской независимости, а сама реформа является кампанией властей против судебной системы. Впоследствии его полномочия в качестве судьи и пресс-секретаря национального совета судебной власти были прекращены председателем суда города Краков. Дело польского судьи дошло до ЕСПЧ, который установил

нарушение права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [11].

В данном деле ЕСПЧ повторил правовые позиции, изложенные в постановлении «Бака против Венгрии», повторно отметив, что критика судей изменений в законодательстве о судебной системе, которые могут привести к умалению принципа независимости судей, представляют повышенный интерес и поэтому обладают повышенной правовой защитой. Причинно-следственная связь между высказываниями заявителя и прекращением его полномочий также была установлена судом путем исследования доказательств *prima facie*, поскольку формально польские власти ссылались на то, что решение о прекращении полномочий заявителя принимали органы судейского сообщества, а также на нарушения со стороны заявителя, выявленные при проверке его финансовых деклараций.

Таким образом, согласно практике ЕСПЧ судья не только вправе, но и обязан публично критиковать судебные реформы, законодательство о судебной системе при наличии угрозы для реализации основополагающих принципов правосудия. При этом критика должна носить сугубо профессиональный характер и не умалять авторитет судебной власти.

Подводя итог, стоит сказать, что судья обладает правом на свободное выражение мнения, при этом данное право ограничено обязанностью судьи проявлять сдержанность и осмотрительность для поддержания авторитета судебной власти и реализации принципа независимости судей,

Судьи должны иметь право публично комментировать и подвергать критике положения действующего законодательства. При этом критика должна носить сугубо профессиональный характер.

Как показывают тенденции в развитии международных стандартов отправления правосудия, на сегодняшний день судьи не только имеют право критиковать положения законодательства, негативно сказывающиеся на верховенстве права и принципах правосудия, но и, как минимум, имеют

моральный долг по защите данных основополагающих ценностей в демократическом обществе путем публичного указания обществу и законодателю на несовершенство действующих правовых норм или проводимых в стране реформ.

Представляется, что данные положения являются актуальными и для российского права, особенно, если учитывать, какую важную роль отводят в юридической науке и практике правосознанию судей. Судья, как минимум Верховного или Конституционного суда, обладающий высокими моральными качествами и чувством профессионального долга, не может оставаться простым наблюдателем в ситуации, когда проводимые законодателем реформы могут отрицательно сказаться на реализации основополагающих принципов правосудия. В то же время, единственным способом реакции судьи на данные изменения может являться сдержанная и профессиональная критика проводимых реформ в СМИ или на публичных выступлениях.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 01.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (в ред. от 18.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)
3. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (в ред. от 08.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)
4. Резолюция Экономического и Социального Совета ООН от 27 июля 2006 г. N 2006/23 «Укрепление основных принципов поведения судей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)

5. Европейская Хартия о статуте для судей и Пояснительный Меморандум от 8-10 июля 1998 года (г. Страсбург) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2012 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», пункта 1 статьи 10, пункта 1 статьи 16, пункта 1 статьи 29.1 и пунктов 1 и 3 статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И.Ю. Фроловой» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)

7. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 19 июня 2018 г. № АПЛ18-206 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)

8. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 6 сентября 2022 г. № ДК22-79 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2023)

9. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 23 июня 2016 года по делу «Бака против Венгрии» (Бака v. Hungary) (Жалоба № 20261/12) // [электронный ресурс] URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163113> (дата обращения: 06.02.2023)

10. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 года по делу «Вилле против Лихтенштейна» (Wille v. Liechtenshtein) (жалоба № 28396/95) // [электронный ресурс] URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58338> (дата обращения: 06.02.2023)

11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июня 2022 года по делу «Журек против Польши» (Zurek v. Poland) (жалоба № 39650/18) // [электронный ресурс] URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-217705> (дата обращения: 06.02.2023)

12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 апреля 2018 года по делу «Чим и Пживечерский против Польши» (Chim and

Przywieczerski v. Poland) (жалобы № 36661/07; 38433/07) // [электронный ресурс] URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182169> (дата обращения: 06.02.2023)

13. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2009 года по делу «Кудешкина против РФ» (Kudeshkina v. Russia) (жалоба № 29492/05) // СПС «Гарант» (дата обращения: 06.02.2023)

14. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2009 года по делу «Олуич против Хорватии» (Olujić v. Croatia) (жалоба № 22330/05) // [электронный ресурс] URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-91144> (дата обращения: 06.02.2023)

15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 сентября 1999 года по делу «Бускеми против Италии» (Buskemi v. Italy) (жалоба № 29569/95) // [электронный ресурс] URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58304> (дата обращения: 06.02.2023)

16. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти : учебник. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. 288 с.

17. Правосудие в современном мире: монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов и др. / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Норма, 2019. — 784 с.

18. Момотов В.В. Уважение к суду как правовая категория: реальность и перспективы в России // Судья. 2019. № 4. – С. 8-15

19. Право Европейской конвенции по правам человека. Монография / под ред. Харриса Д., О' Бойла М., Уорбрика К.[пер. с англ. Власихин В.А. и др.]. – Науч. изд., 2-е издание, дополненное.– М.: Развитие правовых систем, 2017. – 1432 с.

20. Фокин Е.А. Эволюция правовых позиций Венецианской комиссии о независимости судебной власти // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 3. – С. 95-106

21. Доклад специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов от 29 апреля 2019 года // [электронный ресурс] URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/thematic-reports/independence-judges-and-lawyers-report-special-rapporteur-independence-0> (дата обращения: 06.02.2023)
22. Комментарий Управления ООН по наркотикам и преступности к Бангалорским принципам поведения судей // [электронный ресурс] URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/Bangalore_principles_commentary_Russian.pdf (дата обращения: 06.02.2023)
23. Clooney A., Webb P. Right to a fair trial in international law. Н.: Oxford university press. 2020. 1052 p.
24. Пушкарская А. Конституционный суд теряет особые мнения // [электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1284828> (дата обращения: 06.02.2023)
25. Response of the Government of the Republic of Korea to Letter from Special Rapporteur on the Independence of Judges and Lawyers // [электронный ресурс] URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/IJudiciary/ExpressionAssociation/States/RoK.pdf> (дата обращения: 06.02.2023)